

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на „ПЕТЕРБУРГСКУЮ ГАЗЕТУ“
съ бесплатнымъ приложеніемъ еженедѣльнаго
журнала „НАШЕ ВРЕМЯ“:

	НА ГОДЪ.	6 М.	3 М.	1 М.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки	7 50	4 50	2 50	— 90
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	9 —	5 —	2 75	1 15
Съ пересылкою во всея города Россіи . . .	10 —	5 50	3 —	1 15
За границу . .	16 —	9 —	5 —	2 —

ГОДЪ

XXXVIII-й

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЕЖЕДНЕВНО

ТЕЛЕФОНЪ Редактора «Петербургской Газеты» № 850.
Типографіи «Петербургской Газеты» № 850.

ТЕЛЕФОНЪ Редакціи «Петербургской
Газеты» № 5885.

Статьи и замѣтки для газеты должны быть доставляемы съ подписью, адресомъ автора и съ обозначеніемъ условія гонорарія.

Безплатными считаются статьи, на которыхъ условія не обозначены. Статьи по почтѣ не возвращаются.

Большія статьи сохраняются мѣсяць, мелкія же, признанныя не удобными къ печати, уничтожаются.

Контора и редакція

помѣщаются въ Симеоновской улицѣ, близъ Литейной, противъ церкви Святаго Симеона домъ № 5.

Контора открыта съ 9 до 4 часовъ

Праздничные дни съ 9 до 3 час.

Обьясненія съ редакторомъ-издателемъ въ редакціи ежедневно съ 1 до 3 час. пополудни.

ПОХОРОНЫ А. П. ЧЕХОВА.

(Изъ Москвы, по телефону).

Москва отдала вчера послѣдній долгъ Антону Павловичу Чехову.

Грандіозная, величественная картина.

Сколько въ ней торжественной грусти, величія, скорби.

Тысячныя толпы народа окружали колесницу съ тѣломъ дорогого писателя повсюду, гдѣ только появлялась процессія.

Тысяча сердець, чувствовалось, были объединены общимъ чувствомъ—чувствомъ глубокой скорби о великой утратѣ, повесенной родной.

Толпа рыдала.

Тяжелое, душу щемящее и вмѣстѣ величественное зрѣлище.

Въ толпѣ были все, исключая развѣ... писателей.

Ихъ было мало.

На похоронахъ Чехова можно было рассчитывать встрѣтить больше представителей литературы.

Но зато кромѣ литературы была вся Москва.

Толпа пестрѣла разнообразіемъ: военные, штатскіе, студенты, курсистки.

Больше всего, конечно, молодежи, живой, экспансивной молодежи, придававшей мрачной торжественной картинѣ столько теплоты и неподдѣльной искренности.

Перронъ Николаевского вокзала уже съ 6 часовъ утра началъ наполняться публикою.

Народъ стекался со всѣхъ сторонъ «первопрестольной». Многие—особенно молодежь—пришли сюда пѣшкомъ изъ далека, съ дальнихъ окраинъ и дачъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершила надомничество въ 15—20 верстъ. Къ 7^{1/2} часамъ утра на перронѣ уже нельзя было

двинуться. Густая толпа тѣсно сожмнулась у мѣста прибытія поѣзда.

Наступила мертвенная, торжественная тишина.

Казалось, даже сердце перестало биться.

Взоры всѣхъ жадно устремлялись въ ту сторону, откуда долженъ былъ подойти траурный поѣздъ.

Слышнѣнь шумъ царькова.

Вотъ поѣздъ—все близко и близко...

Въ толпѣ чувствуется нервиное, несвойственное настроеніе, но тишина царить полнѣйшая...

Поѣздъ подошелъ къ веррону.

Головы сбивались.

Взоры устремляются на одну въ вагоновъ, откуда, въ глубокомъ траурѣ, само олицетвореніе глубокой грусти, сама безслышная скорбь, выходятъ вдова почившаго—Ольга Леонардовна.

Какою грустью, какими страданіемъ вѣсть отъ ея осунувшейся фигуры, отъ ея заплаканнаго страдальческаго лица.

Какъ измѣнилась она, какъ постарѣла она, эта Ольга Леонардовна, такъ воснищавшая недавно еще москвичкой, заставлявшая ить переживать минуты высшего эстетическаго наслажденія.

Однѣхъ ея видъ способнѣ тронуть самое черствое сердце.

И вотъ радостно вдругъ откуда-то восклицаніе.

Эта заплакала женщина.

За нею другая, третья...

Вотъ уже плачутъ мужчины.

И вотъ рыдаетъ толпа...

Подаютъ паковоцъ и траурный вагонъ, который переводятъ на боковую линію.

Толпа еще тѣснѣе смыкается у вагона.

Здѣсь встрѣчаютъ своего славнаго сына убитая горемъ старушка-мать. Тяжелая встрѣча!.. Старушка вся въ слезахъ. Согбенная, страдальческа фигура...

Тутъ-же братъ покойнаго и нѣкоторые дальніе родственники.

Туда открывается дверь траурнаго вагона.

Священникъ начинаетъ служить литію.

Сто, сто звуки «Со святыми упокой» заставляютъ еще усилѣннѣе биться сердца, выливалъ у всѣхъ обильныя слезы.

Слѣдуя за хоромъ, вся громадная толпа поетъ вѣстѣ съ нимъ эту торжественную, монотонную молитву.

Но окончанія литіи гробъ выносятъ изъ вагона.

Катафалкъ весь украшенъ цвѣтами. Подлѣ него четыре колесницы для вѣнковъ.

За гробомъ несутъ вѣнки.

Сколько ихъ—всечестъ нельзя. Количество ихъ растетъ и растетъ.

Вотъ уже всѣ колесницы заполнены цѣлыми грудями вѣнковъ, упирающъ ими весь катафалкъ.

Ихъ, навѣрное, не меньше двѣсотъ, а можетъ быть, и больше...

Отъ кого они—разобрать нельзя.

Виднѣются отдѣльныя надписи: «отъ петербургской драматической труппы», «отъ московскаго художественнаго театра», «галицко-русскаго народа», «писателей изъ народа», «москвитинъ труженникъ-рабочихъ», отъ всѣхъ почти московскихъ и петербургскихъ редакцій газетъ и журналовъ, отъ отца Григорія Петрова, отъ В. М. Дорошенка, А. В. Амфиотрова и много-много другихъ. Перечестъ ихъ всѣхъ нельзя.

Очень красиво, изящно и интересно задуманъ вѣнокъ отъ московскаго художественнаго театра, символизирующій «Вѣнечный садъ», лебединую пѣсню почившаго писателя.

Вѣнокъ металлическій: слотенныя вѣтви цвѣтущей сирени, усѣянныя крупными сочными плодами вишни-черешни.

На путѣ слѣдованія процессія къ ней примыкаетъ все новыя и новыя толпы народа. Толпа возрастаетъ до 7—8 тысячъ человѣкъ.

Дорога вся усыпана цвѣтами.

Студенты сельско-хозяйственнаго института привезли съ собою нѣсколько корзинъ живыхъ, свѣжихъ цвѣтовъ.

Молодежь—студенты и куренята—обильно разсыпаютъ ихъ по всему путѣ, слѣдуя впередъ траурной колесницы.

Гробъ все время 5—6 верстъ несутъ на рукахъ.

Гольденъ и Вл. Пав. Немировичъ-Данченко ведутъ воль руки вдову почившаго.

Процессія движется медленно.

На путѣ—у Художественнаго театра, у университета, гдѣ обучался покойный, у редакціи «Русской Мысли»—совершаются краткія литіи.

Во время литіи у Художественнаго театра въ толпѣ появляется Максимъ Горькій.

Литія у Художественнаго театра поражаетъ грандіозностью впечатлѣній.

Вся толпа въ одинъ голосъ поетъ «Вѣчную память». Слышатся тысячи самыхъ разнообразныхъ голосовъ, грубые, необработанные басы рѣзко диссонируютъ съ вѣчными женскими содрого, выделяются сдавленные, трепетные тенора, слышатся какіе-то совсѣмъ необыкновенные баритоны, а вотъ откуда-то доносятся и нѣжно-нѣжно переливаются въ воздухѣ мягкіе-мягкіе дѣтскіе голоса... Ни у кого нѣтъ голоса, никто не дирижировалъ, никто не умѣетъ пѣть... а всѣ поютъ. И какъ красиво, какъ гармонично это пѣніе... Какъ могучи эти аккорды, сколько въ нихъ мощи, сочности, глубокой художественной красоты. Дивная музыка! какой чудный, помезный концертъ!

Во второмъ часу дня процессія прибываетъ къ Новодевичій монастырь, гдѣ приготовлено мѣсто вѣчнаго упокоенія Антона Павловича.

Туда отпѣваютъ въ монастырскомъ соборѣ.

Проникнуть внутрь собора всѣ не могутъ. Многие толкаются на улицѣ.

Тихая, умиротворяющая молитва создаетъ скорбное настроеніе.

Грустно-грустно востъ хоръ монахинь простые, но глубоко-сердечные, проникающіе прямо къ душѣ мотивы погребальныхъ молитвъ... Удержаться отъ слезъ не можетъ никто... И снова рыдаетъ толпа...

Мѣсто могилы уже окружено огромною толпою.

Ждутъ прибытія гроба.

Близко къ могилѣ стоятъ немногіе представители литературы.

Здѣсь—Гольденъ, Горькій, Соболевскій, Луначевскій, Гославскій, Телешовъ, Немировичъ-Данченко, Дорошенко и другіе.

Тутъ-же, среди нихъ, и О. П. Шалыгинъ.

Вотъ со стороны цркви послышалось:

— «Со святыми упокой»...

Собравшіяся у могилы примыкаютъ къ вѣнчю.

Поютъ на два хора.

Вотъ принесли гробъ.

Его опускаютъ въ могилу на веревкаты, сплетенныя изъ ластовъ и вѣтвей сѣваго дуба...

Послышались глухіе удары земли о деревянную крышку гроба.

Изъ глубины толпы долетаютъ рыданія и стоны.

Мертвая тишина. Всѣ плачутъ.

Всѣмъ грустно-грустно, тяжело.

Говорить никому не хочется.

Да и какія тутъ рѣчи.

Всѣтъ хочется плакать и только плакать...

И долго-долго, точно въ какомъ-то глубокомъ оцѣненіи, стоитъ надъ могилой толпа.

Ни единого слова, ни звука...

Всѣ расходятся молча...

Завтра, въ 4 часа дня, у свѣжей могилы Антона Павловича будетъ совершена навихада. Послѣ нея, вѣроятно, нѣкоторые изъ представителей литературы произнесутъ рѣчи.

Сегодня до поздняго вечера у могилы толпился народъ!

Нѣкоторые изъ публики говорили рѣчи.